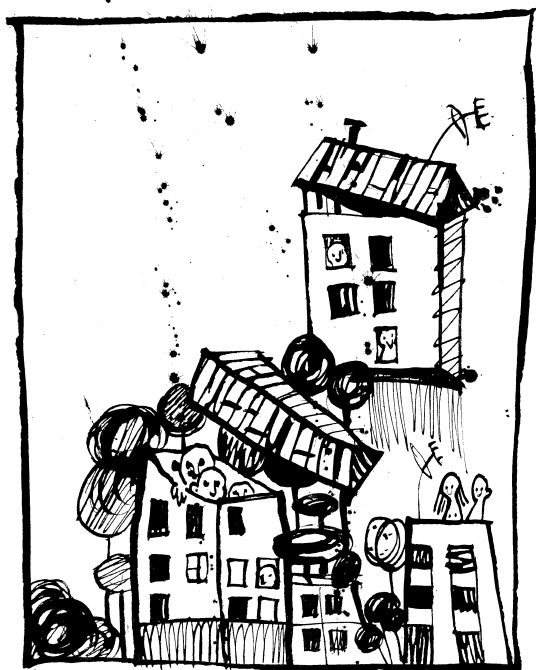

Андрей Жвелевский
Евгения Пастернак

Охота на Василиска

повесть

Москва 2019

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Ж41

Благодарим за помощь в написании книги психиатра и нарколога Александра Анатольевича Дрейзина; психолога Льва Черняева; психотерапевта Владимира Иванова-Петровского. Отдельная благодарность — нашим тест-читателям.

Авторы

Художник
Валерий Калныньш

Иллюстрации
Вера Коротаева

Жвалеvский, А. В., Пастернак, Е. Б.

Ж41 Охота на василиска : Повесть / Андрей Валентинович Жвалеvский, Евгения Борисовна Пастернак. — М. : Время, 2019. — 192 с. : ил. — 3-е изд. — (Время — юность!).

ISBN 978-5-9691-1878-2

Вчера самым страшным чудовищем был Василиск из любимой книжки, а сегодня утирает ближайшая подружка, твой парень оказывается не только твоим, а школа превращается в ад. Больше всего на свете хочется забыть все это как страшный сон, но не получается. Потому что если не ты, то никто не распутает клубок проблем. И у тебя есть выбор — бороться до последнего или... что, сдаться?!

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN: 978-5-9691-1878-2

9

© Жвалеvский А. В., Пастернак Е. Б., 2019
© «Время», 2019

ПРОЛОГ

Мерцали свечи, звучала нежная мелодия, его рука обняла ее за талию, и Ксюша закрыла глаза.

Где-то на краю сознания возникли слова:

— Джеймс, готов ли ты взять в жены?..

— Да!

Ксюша, не открывая глаз, приготовилась к поцелую.

— Ответить сначала, — прошептали ей в ухо.

— Готова ли ты, Лили, стать женой Джеймса, чтобы быть с ним...

— Да! — перебила Ксюша, стараясь не слышать сдавленного хихиканья за спиной.

— Можете поцеловать невесту! — облегченно произнес, видимо, священник, и Ксюша замерла в ожидании счастья.

Но поцелуя не получилось.

— Вы обалдели? — заорал Стас, потирая ушибленный затылок. — Вы бы еще камнями кидались!

— Ну извини, — помирая от смеха, ответили подружки невесты, Ньюша и Стелла. — Нам сказали деньгами...

— Вообще-то должны быть лепестки роз, — взвилась Ксюша.

— Вот ты их и собирай, — парировала Стелла.

— Да это же репетиция! — попытался всех помирить священник непонятной конфессии. — Будут тебе лепестки роз. На сегодня все? Или что-то еще репетируем?

— Надо бы по костюмам решить, — сказал Стас-Джеймс. — Ксюша, у тебя платье готово?

Ксюша, злая до невозможности из-за сорвавшегося поцелуя, зыркнула в сторону «подружек».

— Почти, — буркнула она. — Осталось только цветы пришить.

— Прекрасно. — Стас расплылся в улыбке. — Значит, в следующий раз репетируем по-настоящему.

И он посмотрел на Ксюшу пронзительным взглядом. Девушка с трудом сдержалась, чтобы не отвести глаза, и смело ответила:

— Могли и сегодня по-настоящему!

Но Стас, похоже, не обратил на ее смелость никакого внимания.

— Так, сосредоточьтесь! — Он похлопал в ладоши для убедительности. — До «Старкона» две недели! Нужно, чтобы все было идеально! Мы должны утереть нос «Фениксу»!

Разорвался Стас зря. Все, кто был в зале, рвались показать свою крутость клубу «Феникс», в котором они еще недавно состояли. Но Стас все равно прошелся

по залу, отвесил пару комплиментов нарядам Нюши и Стеллы, разрулил скандал между мелкими волшебниками, которые не могли договориться по поводу декораций, и пошел к боевым магам обсуждать микросхемы в палочке Дамблдора. И если бы не короткое «Не уходи без меня!», Ксюша бы подумала, что страсть, которая искрила между ними буквально пять минут назад, ей приснилась. Но она все равно решила немного подождать.

Ведь девушка всегда заранее чувствует, когда мужчина скажет ей главные слова!

По крайней мере, так говорили в одном фильме... Или в трех? Короче, это все знают.

Вот и Ксю почувствовала, что вот-вот...

Она даже вся затрепетала...

А, нет, это завибрировал мобильник в сумочке. Ксюша достала телефон с единственной целью — отключить мерзкий прибор. Но на экранчике высвечивалось: «Классуха». Ксюша поколебалась, но звонок приняла.

— Фадеева! Где ты ходишь?! — поздоровалась учительница.

Ксюша удивилась. Обычно классную беспокоило одно — справка или записка от родителей на следующий день после пропуска. А подделывать мамин почерк Ксения научилась еще в восьмом классе, так что завтра все будет в ажуре.

— Здравствуйте, — просипела Ксю. — Я приболела, дома лежу, завтра записку от мамы...

— Фадеева! До десятого класса доучилась, а врать не умеешь! Я три раза тебе звонила, потом маму твою на-

брала! Она сказала, что высадила тебя, живую и здоровую, возле школы!

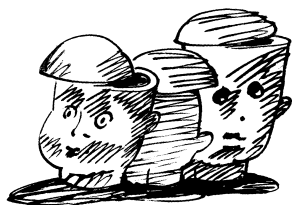
— Да, но я...

— Короче! — Классную не интересовали Ксюшины попытки придумать что-то убедительное. — Через полчаса собрание школы! Чтобы была как штык! Иначе у меня с твоей мамой будет отдельный разговор!

И бросила трубку. Первая мысль у Ксю была — наплевать на истеричку-классуху и дожидаться Стаса. Но тогда маме предстояло узнать много ненужного о записках с освобождениями, которые она «писала» последние годы каждую неделю. А самое главное — Стас застрял возле Дамблдора, пробуя бороду на отрыв. Ксюша решила, что можно и характер показать.

Гордо развернулась и ушла.

У Стаса был шанс. Если бы он позвонил, пока Ксю не добралась до школы, она бы его простила. Однако он не позвонил.

ГЛАВА 1. ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА

— ...Наша школа традиционно показывает самые высокие показатели...

«Показывает показатели, — подумала Ксюша, разглядывая директрису на сцене. — А еще демонстрирует демонстрации. И гордится гордостью».

В зале было душно, надо было линять, но выход перегораживала завучиха. Да и Антонина Романовна, классная, глядела бдительно, суетилась. Диплом только что получила, а туда же. Педагог. Сегодня она была какая-то бледная и сосредоточенная. Наверное, из-за того, что многих из класса нет, даже Егора нет, хоть уж он-то, староста и отличник, должен был прийти в любом состоянии. Подумаешь, «отравились чем-то». Ни капли фантазии. И Мышка, зараза, вместе со всеми. Так бы хоть потрещали. Стас так и не позвонил. Ксю тайком вытащила смартфон, проверила — во входящих пусто. Опять во что-то ввязался. Неделю назад фингал на полфизиономии получил, на улицу с ним стыдно было выйти...

— ...по количеству призовых мест на олимпиадах по русскому языку и математике мы устойчиво входим в тройку лучших учебных заведений района. А по химии — возглавляем десятку лучших!

«А чего не сотню? Или не тысячу? Хотя у нас в районе, наверное, всего школ тридцать...»

Завуч куда-то устремилась, и Ксюша приподнялась, чтобы смыться, но перехватила строгий взгляд Антонины. Та погрозила пальцем, Ксю подумала секунду и села. Устраивать скандал на торжественном собрании — плохая идея. Директриса тем временем добралась до педсостава.

— Наши учителя активно участвуют в работе районного методобъединения, выступают в качестве экспертов при оценке учебников...

Ксюша хмыкнула — вспомнилась история с последним учебником русского, который прислали в школу на рецензию. Это был такой кошмар, что даже дрессированный педсостав взбунтовался и написал разгромный отзыв. Шум стоял на всю школу, Ксюшину маму, как председателя родительского комитета, втянули в эти разборки — упрашивали учителей переписать отзыв. Те уперлись. И что? В министерстве рецензию получили, репу почесали... и проголосовали за то, чтобы считать ее положительной.

— Сергей Соломонович Липский! — донеслось со сцены, и Ксю встрепенулась. — Это наш самый именитый педагог. — Чтобы подчеркнуть торжественность момента, директриса сняла очки и говорила без бумажки. — Заслуженный учитель! Дважды победитель конкурса «Учитель года»: две тысячи одиннадцатого

и две тысячи тринадцатого годов! Кавалер медали «За заслуги на ниве просвещения»!

Сергей Соломонович, который сидел в первом ряду, попытался спрятаться за соседей. Это ему удалось без труда — человек он был щуплый.

— Это наша гордость! — почти завывала директор. — Мы все им гордимся!

«Я же знала! — усмехнулась про себя Ксю. — “Гордимся гордостью”! Словесники, блин».

Директор продолжала поливать елеем лысину заслуженного учителя и дважды победителя, а Ксюша вспоминала, как она его разносит за бардак в отчетности. Громко. На всех четырех этажах школы слышно.

Ксю покосилась на дверь (завучиха по-прежнему где-то пропадала), на классную (та смотрела на Сергея Соломоновича, приоткрыв рот от восторга) и поняла, что это шанс. Она пригнулась, проскользнула между рядами и двинулась к выходу. И уже почти вышла! Но дверь неожиданно распахнулась, чуть не сбив Ксюшу с ног, и в зал вошла завуч.

Ну как «вошла»...

Влетела.

Спиной вперед.

Жалобно визжа:

— У нас мероприятие!

А за ней шел мужчина. Совершенно белый, как голодный вампир. Шел и толкал завучиху перед собой. Ксю посторонилась, пропуская эту странную парочку, но не сбежала — зрелище было уж совсем бредовым.

— Ирина Максимовна! — закричала завуч, сообразив, что битву за дверь она проиграла. — Вызывайте полицию!

— Полицию я уже вызвал, — сказал бледный мужчина тихо, но очень отчетливо.

Все его услышали.

— Следователь скоро будет здесь. — Теперь вошедший буравил взглядом директрису. — Он вас всех!..

Вдруг сорвался и заорал:

— Мою дочку убили! Вы убили! Ваша школа! Ненавижу!

А затем сел на пол, обнял колени и громко, не стесняясь, заплакал.

В качестве допросной использовали учительскую. Она была проходной, школьников впускали в одну дверь, а выпускали в другую, которая выходила в соседний коридор. Те, кто выходил, ничего не могли рассказать тем, кто еще томился у входа. Поэтому Ксю издергалась от любопытства — что это был за мужик? Какую дочку убили? Большинство родителей одноклассников Ксюша знала, а этого мужика видела впервые. Наконец позвали и ее.

В учительской заседала целая комиссия: усталый мужчина в не очень чистой форме с голубыми погонами (наверное, следователь), директриса и еще несколько учителей.

«Как на экзамене», — подумала Ксюша.

Записав фамилию и имя, следователь спросил, глядя в бумаги:

— Скажите, вы хорошо знали Диану Мышкину?

Ксюша не сразу сообразила, о ком он. Потом поняла, что про Мышку, но тут забуксовала. Мышку не могли убить. Кого угодно, только не ее. С Мышкой никогда ничего не случалось, это же Мышка...

— Отвечай! — рявкнула директриса.

— Да... Мы подруги...

— Она никогда не говорила, что собирается покончить с собой? — Следователь спрашивал и писал одновременно. Казалось, он заранее знал, что ему ответят, а спрашивал для порядка.

— Нет, — ответила Ксю деревянным голосом.

«Нет, — повторила она про себя. — Только не Мышка».

— А ты не замечала в последнее время что-нибудь странное в ее поведении?

— Нет.

«Это был не Мышкин папа! Хотя... я его никогда не видела, он все время в офисе... Мышка еще говорила, что у нее с отцом терки...»

— А кто мог желать ей зла? — Следователь по-прежнему не отрывался от писанины.

— Да никто не мог! — Ксюша поняла, что надо срочно узнать правду. — С ней что-то случилось?

Следователь поднял глаза.

— Сегодня утром она скончалась в реанимации. Острое отравление. Токсикология показала наличие яда.

Ксюша какое-то время смотрела на следователя, а он на нее. «Глаза карие, — тупо думала Ксю. —

Острые. А сам мятый какой-то. В морщинах... как шарпей».

Следователь вернулся к документам. Ксюша, не думая уже совсем ни о чем, смотрела, как на бумагу ложатся строчки — такие же мятые, как сам следователь.

— Вы можете что-то сообщить по этому поводу? — спросил следователь.

— По какому?

— По факту отравления.

— Нет.

— Если что-то вспомните или выясните, сообщите учителям.

Ксюша поняла, что эту фразу он произнес на автомате, не вдумываясь в смысл. И все остальное, наверное, тоже. Потом она подмахнула документ («С моих слов записано верно») и вышла. Пыталась выйти в дверь, через которую вошла, но кто-то отловил ее и направил в другую.

За дверью все рыдали. То есть все девчонки. Парни мрачно косились друг на друга, не понимая, как себя вести. Отпускать шуточки — не к месту, а нормально разговаривать они, оказывается, не умели. Ксю прислонилась к стенке и подумала: «А я почему не реву? Я же лучшая подруга. Должна плакать громче других». Но так и не начала.

А потом приехала мама и забрала ее домой.

ГЛАВА 2. ПОХОРОНЫ

На следующий день Ксюша в школу не ходила. Видимо, никто не ходил. И на то, чтобы созвониться с одноклассниками, не было сил.

Время залипло. Дома была мама с белыми губами и безумными глазами. Она все время разговаривала по телефону. Один раз Ксюша уплыла из реальности, ей показалось, что мама просто работает. У нее обычные хлопоты ивент-менеджера, или, как сама мама шутит, «устроителя пьянок»: сколько гостей, где разместить, транспорт, священник...

Ксю очнулась. Да, священник... Это похороны. Мышку будут хоронить.

Чтобы не свихнуться, Ксюша пыталась загрузить голову оргвопросами, как мама.

Идти или не идти?

Стоит звать весь класс или не стоит?

Кто придет от школы? Нужно ли приходить кому-то от школы? Готовы ли родители увидеть Мышкиных одноклассников?

Но, с другой стороны, они учились вместе с пятого класса, нужно дать детям возможность проститься.

«Проститься». Слово застряло в голове.

— Ксюша нормально, — сказала мама в телефон. — То есть я не знаю. Она не говорит со мной. Сидит у себя в комнате.

«Как же я с тобой поговорю, если ты все время болтаешь по телефону?» — удивилась Ксюша.

— Переживает, конечно. Они так дружили.

«Я переживаю, — подумала Ксюша. — И я должна буду проститься».

— Завтра в два. Детей снимают с уроков. Не знаю, как я это переживу. Как в глаза Лене смотреть? Что говорить? Как это вообще можно...

Мама разревелась.

Ксюша подумала о том, что завтра тоже не надо идти в школу, потому что их снимают с уроков. Потом подумала про тетю Лену, которая буквально три дня назад ругала их с Мышкой за то, что они отключили телефоны и ушли в кино. И не предупредили, что в кино. Она ругалась и кричала, что они еще дурочки и с ними что угодно может случиться. Что может случиться даже с дурочкой днем в центре большого города? Но телефоны пообещали больше не отключать. А тетя Лена им потом коробку конфет открыла. Сказала, что с орехами, а оказались с непонятной кислятиной.

У мамы зазвонил телефон.

— Завтра в два, — сказала мама.

«Завтра в два», — подумала Ксюша.

Вдруг встрепенулась, буквально подпрыгнула, села на кровати. Они же завтра в три должны были идти на

собрание по «Старкону»! Надо предупредить, что не придут!

Ксюша схватила ноутбук, нашла нужную группу «ВКонтакте».

«Извините, мы с Дианой Мышкиной завтра не придем, — написала она, — потому что...»

Через пару минут «потому что» Ксюша стерла и отправила сообщение.

Потому что...

Мышкино лицо смотрело на нее из списка друзей.

Ксюша машинально щелкнула на страничку, как делала это десятков раз на дню.

«Последний раз заходила вчера в 16:05».

Последний...

Ксюша почувствовала, что не может вздохнуть. Как будто что-то порвалось внутри, легкие забыли, как дышать, сердце провалилось в желудок.

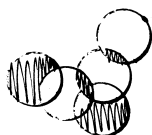
— Ксюша, ты как?

Мама теребила ее руки, прижимала к себе голову, брызгала в лицо водой.

— Ты что? Ты что? Ты что? — повторяла она как заведенная.

Мама ревела в три ручья, трясущимися руками протягивая Ксюше воду.

— Я не буду прощаться, — сказала Ксюша. — Я не могу...

Они стояли, наверное, на почетных местах, возле гроба. Ксюша на гроб не смотрела, не могла. Смотрела на лица остальных. Одноклассники... сосредоточенные и растерянные. Нет, не растерянные, а... как это слово? По литературе недавно читали... Ошарашенные. Вот такие — как будто по ним прокатились огромные шары, помяли, постучали по головам и укатились. Какие-то родственники, почему-то сплошь тетки. Эти правильные — грустные и заплаканные. На похоронах так и надо. Ксю потрогала свое лицо. Оно до сих пор было опухшее.

Потом собралась с духом и посмотрела все-таки на гроб. Вернее, на тетю Лену, которая стояла, вцепившись в его край. Наверное, чтобы не упасть. Ксюша опустила глаза на Мышку. Потом подняла на тетю Лену. Ей вдруг показалось, что она сходит с ума — Мышка стоит у гроба, а ее мама лежит в гробу.

Ксю закрыла глаза, досчитала до десяти, снова открыла. Нет, стояла все-таки тетя Лена, но сегодня она была похожа на Мышку, а Мышка — на тетю Лену. Все потому, что Мышку причесали, накрасили, одели во что-то нарядное. Оказывается, у нее даже грудь есть. Обычно Мышка ходит в балахонах каких-то бледно-бежевых. А тетя Лена, наоборот, обычно накрашена, одета с иголки, на каблуках, улыбочка ехидная, подбородок задран. Не мама, а старшая сестра.

Но это обычно. А сегодня — ни косметики, ни улыбочки. И балахон. Только не бежевый, а черный.

Тут пришел поп и принялся читать что-то на непонятном языке, отработанными движениями помахивая кадилом. Родственницы начали креститься и бормотать. Ксюша поняла, что еще немного — и завоет. Она осторожно двинулась к выходу, сопровождаемая мамой.

— Ты чего? — Мама заглядывала в глаза: — Плохо? Голова кружится?

Ксю на всякий случай кивнула.

— Я сейчас врача! — Мама кинулась рыться в сумочке.

— Не надо, — попросила Ксюша, — на воздухе лучше. Ты иди. Неудобно...

Мама еще сто раз спросила, как Ксю себя чувствует, и вернулась. Ксюша уселась прямо на край каменной мусорки у входа, ноги не держали.

— Ксения, кажется?

Она подняла голову. Рядом стоял вчерашний мятый следователь. Теперь он был в обычной одежде, без погон — и напоминал пьянчужку, который стреляет мелочь на пиво.

Ксю кивнула.

— Слушай, я понимаю, сейчас плохой момент, — следователь поскреб щетину, — но дело срочное... Меня зовут Леонид Борисович.

Ксю кивнула.

— Я мог бы тебя вызвать в управление, но... может, тут поговорим?

Ксю снова кивнула, чувствуя себя механической куклой.

— Позавчера вечером у вашего класса был кружок по физике...

— Факультатив. У нас физик хороший. Сергей Соломонович.

— Да, я говорил с ним. Заслуженный и все такое. Только очень рассеянный.

Ксюша впервые за последние сутки улыбнулась. Да, Сергей Соломонович мог перепутать классы. Однажды минут пять рассказывал про ядерные реакции третьеклассникам — а потом прибежала опоздавшая училка и выгнала его. Так мелкие еще и отпускать не хотели, кричали: «Еще хотим про бомбу!» А сколько раз Соломоныч утаскивал в кармане губку для доски...

— Он говорит, что не помнит, сколько вас там было, — продолжил Леонид Борисович. — Но явно не восемь человек, которых ты в журнале отметила. Ты же дежурная была, так?

Ксю напряглась и насупилась. Не хватало еще стучать на одноклассников.

— Ну, — спросил следователь, — так сколько вас было на кружке?

— На факультативе.

— Сколько? — голос Леонида Борисовича стал страшным.

Тихим, но страшным.

— Трое, — буркнула Ксюша. — Я, Игорь и Альбина.

— Игорь Шалевич и Альбина Егорова? — уточнил следователь.

— Да.

— А остальные?

Ксю по-прежнему было страшно, но изнутри пошла злость, которая перебивала страх. Мышка умерла, какое ему дело, кто где был?!

— А я вообще-то несовершеннолетняя, — сказала Ксю. — Меня можно допрашивать только в присутствии взрослых! И адвоката!

Следователь смотрел так, как будто собирался врезать Ксюше по лицу. Но сдержался и сказал очень устало:

— Твое право. Только вообще-то я расследую убийство твоей подруги. А может, и не только ее.

— Как «убийство»? — Ксю растерялась.

— Вот так, — ответил следователь. — Или ты думаешь, я тут дергаюсь из-за пищевого отравления? Яд, помнишь?

Ксю неуверенно дернула плечом. Кажется, вчера что-то говорили про яд...

— Я приказал провести токсикологию у всех твоих одноклассников, которые вчера не явились в школу из-за отравления.

«А, ну да, человек пять же не было». — До Ксюши начинало доходить.

— У всех обнаружены следы того же яда! — Усталость улетучилась из голоса Леонида Борисовича, теперь он бил наотмашь. — Это покушение на массовое убийство! — И снова голос ослаб, как будто потух. — Но ты, конечно, имеешь законное право затягивать следствие. Ведь даже если попытку повторят... тебе-то что? Ты же несовершеннолетняя...

Он сделал движение, как будто уходит, — и Ксю поймала его за рукав.

— Подождите! Я правда не знаю! Они попросили, чтобы я их отметила, а сами слиняли куда-то.

— И Диана тоже?

— Да, и Мышка... Слушайте, а если всем дали этот яд, почему только Мышка...

Ксюша не смогла произнести последнее слово.

— У Дианы оказалась почечная недостаточность. А еще она до последнего не жаловалась на боли. Если бы пожаловалась...

Изнутри донесся окрепший бас батюшки, которому тоненько подвывали старушки.

— Да, — сказала Ксю. — Мышка никогда не жаловалась... Она такая...

ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

На кладбище детей не пустили, родители быстро разобрали их по домам.

— Тебе нужно переключиться, — сказала мама, глядя на пришибленную Ксюшу. — Давай не поедем домой, давай я тебя куда-нибудь завезу.

Ксюша кивнула. Ей нестерпимо хотелось увидеть Стаса. Хотя бы поговорить с ним, хотя бы в интернете. А он, как назло, так и не позвонил после того собрания.

— Отвези меня на Октябрьскую, — попросила Ксюша. — Там все наши. Я отвлекусь.

Когда Ксю вошла в зал, уже шли бурные обсуждения судьбы трех новеньких, которые собирались играть первый раз, а права качали, как будто всю жизнь здесь тусуются.

— Ты чего опаздываешь? — раздраженно спросил Стас. — Ты же знаешь, что сегодня все решится!

Сначала Ксюша хотела все объяснить, но вместо этого выпалила: